

22 ИЮЛ 1979

Уральский рабочий
Свердловск

Актеры и роли

Высокое небо Егора Полушкина

Эти заметки не претендуют на обобщение. Не имею я на него права. Две гастрольные встречи — это лишь две страницы в творчестве народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР Николая Александровича Михеева.

Н О ВОТ прошло уже столько времени, а я не могу забыть один эпизод из спектакля Куйбышевского академического театра драмы по пьесе Л. Леонова «Золотая карета». За столом трое: Мария Шелканова, Павел Александрович Непряхин — Н. Михеев и Дашенька, его жена. Скромное угощение, картошка «в мундире», столь золотая для нас в военные и послевоенные годы... И вот в разговоре, словно вдруг отключившись от него, Непряхин отсыпает гостю, жене и себе соли из солонки, стоящей на столе. Надо видеть, как отсыпает, стараясь не проронить лишней крупинки, да еще чтобы всем поровну было. Глаз нельзя оторвать в этот момент от потемневшей, узловатой руки. Казалось бы, проходная деталь, лишь одна красная нить в нем. Но в те времена войны не меньше, чем многие слова.

Сейчас немало спорят об актерском искусстве. В журнале «Театр», в газете «Советская культура» прошли большие дискуссии на эту тему. Высказывались мнения, что в чем-то потускнели в наши дни актерские дарования, «не поражают», как прежде. Уж слишком делится, а значит и «тратится», современный актер на трех могучих китов: кино, телевидение и, ча-

сто потом уже, театр. Как в каждой дискуссии, высказывается много спорных точек зрения. Но как же хорошо, что есть актеры, театральные впечатления, столкнувшись с которыми, забываешь все споры, а просто смотришь, размышляешь, удивляешься, сопереживаешь.

Спектакль «Не стреляйте в белых лебедей» — удача куйбышевцев. Несмотря на кое-какие просчеты инсценировки повести Бориса Васильева: иллюстративность финала, определенную декларативность (спектакль идет в редакции театра), эта работа трогает публицистически-возбужденным обращением к зрительному залу, страстным, неравнодушным голосом, который подымает нас во имя всего живого, родной природы, Родины. Спектакль наших гостей (режиссер С. Надеждин) не обойден и актерскими удачами. Хороши в нем Харитина — В. Локтионова, Яков Прокопч — народный артист РСФСР С. Пономарев. Но, вероятно, если бы не было в нем Егора Полушкина — Н. Михеева, не было бы спектакля. Он — его душа, его сердце.

В силу своей профессии я знаю, как работает театр над пьесой, актер — над новой ролью, и все-таки, как рождается образ, когда — это было и будет тайной театра, чудом талантливого актера.

Михеев не боится быть красивым, смешным. Вот

Егор пьяный, спирт сделал свое дело. Лежа на земле, как-то несуетливо закидывая ногу, пытается взобраться на мостик. А вот в одних трусах, промерзший, трясущийся, вылезает из озера, где тихоно попытается найти утопленный мотор. Вот присел в уголке и что-то шепчет, шепчет про себя. Вернее, думает, размышляет. Этот Егор вообще все время мучительно думает, по-своему, полушкински осознавая, истинные сущие.

Недаром потом милая учительница его сына Колюшки, Нонна Юрьевна, скажет, что для нее Егор больше интеллигент, чем многие другие. В спектакле масса деталей, черточек, которые заставляют верить в правду характера, в его жизненность. Но это не одно лишь точное бытописание. Перед нами театр и актер, владеющие самыми яркими, звонкими красками.

Финал первого акта. Закончилось очередное объяснение с Харитиной, и вот

уже Егор, этот «бедоносец» Егор, целует свою Харечку, целует ноги жены, женщины, матери, опускаясь перед ней на колени. Рискованная сцена! Была в ней опасность впасть в ненужную, столь инородную в подобном спектакле, фальшивую красоту, если бы не вера режиссера в актеров, и дуэт Локтионовой и Михеева в этой сложной сцене душевно тонок, прекрасен любовью, освещающей их героев.

Кстати, об этом же даре — умении любить, вспоминаешь и в «Золотой карете», когда Непряхин говорит свое «ласточка», обращенное к молодой жене Дашеньке.

И еще одну тему, мне кажется, очень важную, несет Егор Полушкин в спектакле. Тему веры в человека, в людей, даже если эти люди такие, как, скажем, шабашники Филя и Черепок, понимания, какая это беда для человека, если он не нашел вовремя своего единственного дела.

Честно говоря, в повести Бориса Васильева этот мотив казался чуть-чуть слезливым, жалостливым, подчеркивающим чудачковость Егора. В спектакле Михеев убеждает нас, что это та жалостливость, которая издавна в русском народе была синонимом понятия «доброта». И говорит Егор об этом Коляке, как об очень вхоженном, само собой разумеющемся. Несчастные то они, эти самые Филя и Черепок, а счастливые — Егор с Колякой, потому что умеют чувствовать жизнь, умеют радоваться и мурашу, по земле пробегающему, и коряге интересной, и клекоту лебединому, радоваться и защищать это свое, родное до кровиночки.

Михеев, видимо, не умеет играть вполсилы. И дело, вероятно, не только в природном темпераменте, в высоко профессионализме, а в вызывающем глубокое уважение стремлении говорить с сегодняшним зрителем на уровне требовательной гражданской ответственности.

...Я шла по улице после спектакля «Не стреляйте в

белых лебедей», смешавшись с толпой нарядных зрителей, ехала в автобусе. Да, нечасто приходится быть свидетелем такого бурного, сиюминутного обсуждения увиденного — этого столь ценного продолжения жизни спектакля. Обсуждения даже не актерской игры, а проблем, поднятых в спектакле, их понятности и близости каждому.

Рассказала я потом об этом и Николаю Александровичу Михееву. И он удивился... не очень.

Тридцать лет на сцене. Театры Саратова, Владивостока, Куйбышева. Образы в пьесах Горького, Островского, Достоевского, Шекспира, Леонова. Есть и объединяющее в этом ряду — он всегда играл характеры сильных, страстных людей.

Вот только два момента из нашей беседы, показавшие мне особенно интересными и в какой-то мере объясняющими многое в судьбе и творческом облике этого актера. О степени самоотдачи образу, которая и порождает в первую очередь дорогой контакт со зрителем:

— Не понимаю, — говорил Михеев, — как это можно жалеть себя на сцене. В искусстве тогда не надо работать!

Об образе Егора Полушкина, одной из своих последних работ:

— Вы, журналисты, всегда спрашиваете, хотим ли мы, актеры, сыграть своего современника. А мы всегда отвечаем, что да, конечно. Говорят даже, штамп такой выработался. А это не штамп, это правда. Говорим так не ради вас, критиков, не ради красного словца. Современники наши не менее интересны, чем шекспировские герои. Ведь сколько пройдено, сколько пережито, подумайте-ка... А? Вы согласны со мной?

А. ЛАПИНА.
На снимке: Н. А. МИХЕЕВ.
Фото Ю. Райдугина.